

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Автобиографизм в повести В. Каверина «Черновик человека»

Творчество Вениамина Каверина 1920-х годов известно, главным образом, по роману «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», приобретшему заново интерес у читающей публики после статьи М. Чудаковой и Е. Тоддеса «Прототипы одного романа»¹ в конце XX века. Однако в контексте творчества писателя 20-х годов нельзя с определенностью говорить о «Скандалисте» как о центральном произведении этого периода, по крайней мере изучать его необходимо в сопоставлении с остальными ранними текстами Каверина. Статья Чудаковой и Тоддеса важна тем, что она прокладывает и утверждает стратегию изучения каверинского творчества как автобиографического, построенного с опорой на жизненный материал. Действительно, изучение текстов Каверина, в особенности ранних, под автобиографической лупой приводит к интересным выводам, которые, как нам представляются, могут служить подспорьем в интерпретации феномена каверинской прозы в целом, а, может быть, и в исследовании автобиографической литературы вообще.

Каверинский автобиографизм ведет свои истоки от самых первых рассказов 20-х годов, таких как «Пятый странник», «Инженер Шварц», «Воробьиная ночь», повестей «Большая игра» и «Конец хазы», в «Скандалисте» использовавшиеся ранее писателем принципы использования автобиографического материала и построения автобиографического характера синтезируются и закрепляются, однако на «новом» для Каверина материале — родственной ему филологическо-писательской среде. Таким образом, автобиографические «мотивы» в первых рассказах, которые зачастую интерпретируются в немногочисленных исследованиях каверинского творчества как ученические и подражательные — в лучшем случае, а в худшем — как ошибка, идеологическое заблуждение на пути Каверина к реалистической прозе, которую он в конце концов преодолевает, и «Скандалист», таким образом, рассматривается многими исследователями не в ряду ранних рассказов и повестей писателя, а от-

¹ Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Прототипы одного романа.

дельно, как «преодоление» фантастической поэтики, шаг в сторону (соц)реализма. Такое «прочтение» Каверина представляется нам неверным, тем более, что проблема определения каверинского стиля на сегодняшний день нерешена. Следующая за «Скандалистом» повесть «Черновик человека» 1929 года является, на наш взгляд, определенной вехой в творчестве Каверина не только и не столько потому, что следующий этап в каверинской литературной биографии знаменуется изменением отношения писателя с официальной литературой, а, следовательно, и характера его текстов, а также потому, что текст повести «Черновика человека» оказывается концентрированным синтезом использовавшихся ранее писателем принципов использования автобиографического материала, которые, с одной стороны, оказываются актуальными для всего последующего творчества Каверина, а с другой — только в «Черновике человека» мы имеем дело с столь ярким и насыщенным использованием автобиографизма — ситуация, которая не наблюдается ни в одном другом тексте писателя. Проблема прочтения «Черновика человека» состоит в необходимости учитывать автобиографический подтекст при интерпретации произведения, без знания которого смысл текста не может быть до конца прояснен. В предыдущих произведениях Каверин использует автобиографический материал наряду с вымышленным, что касается «Черновика человека», то можно утверждать, что текст практически целиком состоит из «цитат».

В воспоминаниях Каверин признается: «Черновик человека» кажется мне чем-то вроде метафоры, *предсказавшей* (курсив мой — А. Г.) мои книги, в той или иной степени *автобиографичные*, и, прежде всего трилогию «Освещенные окна»². При сопоставлении автобиографической трилогии «Освещенные окна» (1975) с повестью «Черновик человека» (1931) обнаруживается их явное сходство. Очевидно, что создавая повесть, Каверин активно использовал жизненный материал: многие подробности жизни, в особенности детства и отрочества Каверина оказываются сюжетообразующим материалом «Черновика человека», персонажи повести обнаруживают сходство с реальными лицами, изображенными в «Освещенных окнах», однако «Черновик человека» читается как художественное произведение, не обнаруживающее при первом прочтении поводов для сопоставления с экстралитературной реальностью. Рабочей гипотезой к написанию повести, по словам Каверина, послужила «теория конституционной вражды», о которой ему поведал Леонид Александрович Андреев, физиолог и хирург, один из учеников И.П. Павлова. Смысл теории заключался в том, что «в че-

² Каверин В.А. Собр. соч. Т. 1. С. 12.

ловечестве с доисторических времен сохранилась борьба конституций, то есть особенностей биологического вида (например, явление беспричинной ненависти между незнакомыми людьми, далекими друг от друга)»³. Знакомство Каверина с Андреевым и «теорией конституционной борьбы» произошло в один из переломных моментов его творчества, когда он «почувствовал необходимость уйти от фантастической прозы и взглянуть на действительность трезвыми, размышляющими глазами»⁴. Теория натолкнула Каверина на множество размышлений, побудила к обнаружению подобного явления в собственном жизненном опыте: «Не встречался ли и я с явлением бессмысленной и необъяснимой вражды со стороны человека, с которым у меня не было никаких отношений — ни плохих, ни хороших?» Для того чтобы решить подобный вопрос, надо было взглянуть на историю собственной жизни — задача неожиданная для человека двадцати семи лет. Ответ был положительный: да, встречался».⁵ Писатель создает повесть, где главный герой, обнаруживающий несомненное автобиографическое сходство с молодым Кавериным, врач-исследователь, столкнувшийся с явлением немотивированной ненависти между людьми, разрабатывает теорию конституционной вражды, о которой читатель узнает в конце повести из уст одной из подопытных собак. Разрабатывая эту теорию, автопсихологический герой Александр Ровинский руководствуется личными мотивами: еще в гимназии он stalkивается с лицемером и подлостью некоторых своих со-учеников и преподавателей, заставивших его сделать выбор между тернистым путем правды и лицемерия в пользу первого, что стоило ему исключения из гимназии с «вольным билетом», позже чувство необъяснимой ненависти испытывает выросший Александр: на военных сборах к сослуживцу Девкину, изводившему его глупыми шутками и толстому Непениному, оказавшемуся, как выясняется впоследствии, любовником жены. Причины для ненависти к этим людям, разумеется, у Александра есть, однако неприятные чувства все трое вызывают у него с первой встречи, не успев заслужить своими поступками отрицательного отношения: «Я ненавижу только трех человек в течение всей моей жизни. И все трое были похожи один на другого, как если бы это был один и тот же человек, который рос и становился старше и преследовал меня за то, что я его ненавижу. <...> Моя ненависть к ним — это не случайное совпадение, не насильственное соединение фактов далеких и несходных. Это консти-

³ Каверин В.А. Т. 1. С. 12..

⁴ Там же.

⁵ Там же.

туционная вражда, мне самая конституция эта враждебна». Каверина-писателя, как и его персонажа Ровинского, «толкают» на исследование феномена ненависти личные мотивы. Если бы не была написана трилогия «Освещенные окна» спустя почти 50 лет, то «Черновик человека можно было бы интерпретировать как художественное произведение, в основе сюжета которого лежит медицинская проблема. Использование биографического материала для описания идеи в тексте сближает Каверина с традицией исповедальной литературы. «Черновик человека» оказывается, таким образом, знаковым произведением для всего творчества Каверина, поскольку в нем впервые и наиболее отчетливо проявляется прием автобиографизма как способа познания жизненной и художественной действительности.

До «Черновика человека» биографический материал использовался Кавериним в несколько иных целях: в первых рассказах — в игровых целях путем столкновения реальности и фантастики, выведения на авансцену произведения реальных персонажей вместе с фантастическими — для придания произведению фантазмагорийного характера; в «Скандалисте...» — для создания романа с ключом. Использование биографического материала Кавериним в ранних произведениях может быть отчасти объяснено поверхностными причинами: незнанием быта, оторванностью от реальности, в чем его упрекали критики и соучастники по литературному процессу. Известна ориентация раннего Каверина на опыт западноевропейской фантастической и приключенческой прозы, аполитичность, сохранявшаяся на протяжении всей жизни. Также можно говорить о литературоцентричности, книжности сознания молодого Каверина, о трудности проведения границы между житейским и литературным опытом — отсюда использование бродячих литературных сюжетов и апелляция к опыту собственной жизни. Важным для интерпретации повести оказывается ее название «Черновик человека»⁶. Каверин признается: «это именно черновик, выполненный со всей тщательностью, на которую я был тогда способен. Пожалуй, можно даже назвать его конспектом. <...> Конспективность повести «Черновик человека» не случайна. Я писал ее как бы со связанными руками. Оставив по-

⁶ Рецепция выражения «Черновик человека» нашла отражение в культуре. В частности, статья М. Эпштейна, посвященная проблеме социального и культурного восприятия еврейства, в качестве заглавия использует название повести Каверина. Таким образом, выражение «черновик человека» может служить метафорой жизни еврея. О «еврейской» теме в повести см. ниже // Эпштейн М. Черновик человека // <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/61/ep15.html>

зади «театр прозы» с его острыми поворотами и фейерверком неожиданностей, я робко вглядывался в обыкновенную жизнь, стараясь писать о ней так, чтобы светлые и темные черты чередовались в последовательности действительной, а не мнимой. Вот откуда взялись главы, состоящие из одной фразы, беглые намеки и лаконичность, подчас затрудняющая чтение. Впоследствии я понял, что и эта повесть была для меня школой реалистической прозы»⁷.

«Черновик человека» можно назвать концентрацией приема автобиографизма в произведениях В. Каверина этого периода. Анализ «Черновика человека» обнаруживает практически полное соответствие текстовой реальности фактам жизненной биографии Каверина: «Черновик человека» наводнен значительными и мелкими подробностями из жизни писателя. Образ повествователя в повести не выражен эксплицитно, однако имеет место быть, проявляясь на уровне организации художественного материала, которая, несмотря на установку на реалистичность, в главе «Три варианта Сашинной ненависти к Кущевскому» обнаруживает обнажение приема: читателю демонстрируется процесс создания текста, выбора материала, три возможные линии развития событий, которые, хотя и могут быть мотивированы дальнейшим ходом действий, однако не проясняют полной ситуации; могут быть атрибутированы и как последовательная цепь событий и как события внутренней жизни персонажа (а, может быть, и автора). Повесть с самого начала представляется ориентированной на кинематографический способ подачи материала, что было отмечено еще критиками⁸, отозвавшимися на первую публикацию повести. Связь с кинопоэтикой⁹ проявляется и на уровне заглавия — «черновик человека» — отсылающего к принципу монтажа. Способ организации материала в художественном тексте напоминает кадры киноленты, над которыми возвышается всевидящее око повествователя (киноглаз Дзиги Вертова). События в тексте изображаются как бы с высоты птичьего полета (или камеры кинооператора), связь между главами не обнаруживает сюжетного перехода, а напоминает смену планов в кинематографе. Повествователь представляет поочередно читателю отдельные эпизоды, эскизы, которые складываются в единый сюжет только по окончании каждой отдельной части. Название

⁷ Каверин В.А. Т. 1. С. 13.

⁸ «Эта повесть, написанная в плане сознательного апсихологизма, «смонтированная» из кинематографически развернутых кадров, с нарочито расштанной и неблагополучной фразой ...» // Саянов В.С. 14.

⁹ О кинематографичности ранних текстов Каверина см. Костанди О.Г. Вопросы кинопоэтики в сборнике В. Каверина «Мастера и подмастерья»

«черновик человека» как бы задает траекторию восприятия текста, настраивая читателя на эссеистичность, фрагментарность изображенного мира, представленного в виде отдельных набросков, а не целостного сюжета.

Главный герой, выведенный под именем Александра Ровинского, обнаруживает автобиографическое сходство с судьбой Каверина. В первой части повести «Детство» Ровинского можно определить как alter ego автора, что подтверждается огромным количеством совпадений в жизни «персонажа» и писателя. Однако, несмотря на существование реального прототипа Ровинского, сам герой обнаруживает мало «человеческого»: несмотря на наделение Кавериним своего персонажа огромным количеством фактов и подробностей собственной биографии, герой лишен индивидуального характера. Образ Ровинского, таким образом, оказывается голо-схематичным, сконструированным из деталей эмпирической действительности, не человеком, а «черновиком» к человеку, к созданию характера. Сюжет повести представляет собой набор эпизодов из детства, юности и взрослой жизни персонажа, обнаруживая суггестивное наполнение биографией автора. Такая перенасыщенность текста «цитатами» на небольшом количестве страниц позволяет усомниться в целостности художественной реальности.

Вторая часть повести — «Юность» обнаруживает сходство с биографией Каверина на событийном уровне, отсылая к периоду службы в армии главного героя, который является практически полностью «списанным» из биографии автора. Во второй части повести появляется любовная линия, которая соотносится с личностью Каверина опосредованно: она напоминает историю, связанную с первой женой его старших братьев Льва и Александра. Однако эпизод, в котором Александр застаёт свою возлюбленную спящей, напрямую относится к биографии писателя: в «Освещенных окнах» повествователь трижды (в главах «Детство», «Опасный переход» и «Петроградский студент») описывает аналогичную ситуацию: в разные периоды своей жизни, связанные с историей первой любви, приходя к ней, он обнаруживает ее спящей, описывая каждый раз эту встречу подробно. Изображение этих сцен напоминает одно другое, когда повествователь занимает отстраненную позицию в обрисовке образа спящей возлюбленной; фиксирование же внутреннего мира героя изменяется по мере того, как меняется он и его отношения с Валею от главы к главе.

Также во второй части повести намечается отход автора от своего героя, когда он не напрямую, а намеками отсылает к подроб-

ностям своей псковской жизни, приписывая их не биографии Ровинского, выступающего в роли alter ego автора, а биографии его друга — Альки Куусинена. Способ создания этого образа тоже является любопытным. С одной стороны, внешними чертами, жизненными обстоятельствами и местом, занимаемым им в гимназические годы в жизни Ровинского, он сильно напоминает друга детства Каверина — Альку Гирва, за исключением небольшого «отклонения»: в повести Алька — сын няньки Ровинского (обнаруживающей абсолютное сходство со своим прототипом — няней Каверина) и кузнеца. В «Освещенных окнах» автор рассказывает о нянькином сыне — Коле Павлове, которого мать отдает в типографские ученики. В повести Каверин «корректирует» биографию своего друга и сына няньки, объединяя их в одном лице и поворачивает их судьбы «удобным» для себя образом. Образ Куусинена во второй и третьей частях повести оказывается собирательным, обнаруживая в отдельных ситуациях связь с событиями каверинской биографии. Так, в третьей части «Прощание с юностью» сцена встречи Ровинского и Куусинена после шестилетней разлуки, их воспоминания об общем гимназическом прошлом напоминает сцену встречи Льва Зильбера (старшего брата Каверина) и Юрия Тынянова — товарищей по псковской гимназии, которую наблюдает Каверин в 1921-м году в Петрограде.

Ровинский по мере развития событий в повести обнаруживает все меньше и меньше сходных черт с личностью Каверина. На момент написания повести Каверину — 27 лет, а герою в конце — 29. Создавая образ «взрослого» Ровинского, Каверин использует факты из биографии «старших» друзей — Юрия Тынянова и брата Льва.

В главах «Черновика человека», относящихся к детству и юности героя, Каверин рассказывает о своем детстве и своей юности. При создании же образа «взрослого» Ровинского, Каверин использует собирательные черты старших товарищей. Ситуации, в которые попадает взрослый герой, могут быть отнесены и к старшему брату Льву и к его гимназическому товарищу и своему духовному учителю — Юрию Тынянову; то, как Ровинский рассказывает о своей личной жизни в письме другу, напоминает ироническое самописание К. Федина — старшего товарища — в письме к Лунцу. Женская линия, представленная сначала образом невесты Ровинского во второй части, а в третьей — его женой, прототипически коррелирует с собирательным женским образом — женой брата Льва — Марой и женой Ю. Тынянова, старшей сестрой Каверина — Еленой. К образу старшего брата Льва отсылает и профессия героя — врач.

Ситуация с ранним творчеством Каверина важна в сопоставлении с поздним, в частности, с автобиографической трилогией «Освещенные окна, в которой автор, рассказав о своем детстве и юности, «открывает» читателю некоторые факты, провоцируя последнего на сопоставление биографического материала с его художественным отражением в ранних произведениях. Воспоминания Каверина о «петроградском» периоде своей жизни повторяются, с небольшими изменениями и оговорками, в книгах «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»¹⁰, «Вечерний день»¹¹, «Письменный стол»¹², «Литератор»¹³, «Счастье таланта»¹⁴, концентрируясь в «Освещенных окнах»¹⁵ и уточняясь в последнем, писавшемся в стол произведении «Эпилог»¹⁶, где автор без купюр рассказывает о действительном положении вещей в истории советской литературы, не обходя вниманием и «петроградский» период. Однако воспоминаний о последующих событиях личной жизни писателя мы не обнаруживаем. Рассказав о своем детстве и юности (примерно до 1922 года), Каверин не сообщает читателям о дальнейшей судьбе петроградского студента. Личная жизнь писателя, таким образом, во всех последующих текстах мемуарного характера, повествующих о профессиональной стороне жизни писателя: встречах с литераторами, впечатлениях от прочитанных книг и т.д., оказывается фигурой умолчания. Такая позиция Каверина представляется вполне осознанной: во-первых, в жизни писателя могли иметь место личные мотивы, «препятствующие» исповедальности художественных текстов; во-вторых, существует вероятность конструирования собственной литературной репутации, выражающейся в формуле «вся жизнь в работе», что, к слову сказать, является постоянным мотивом прозы Каверина¹⁷, в конце концов, нельзя не принимать во внимание факт давления цензурных ограничений в эпоху совет-

¹⁰ Каверин В.А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М., 1965.

¹¹ Каверин В.А. Вечерний день: Письма: Встречи: Портреты. М., 1982.

¹² Каверин В.А. Письменный стол: Воспоминания и размышления. М., 1985.

¹³ Каверин В.А. Литератор: Дневники и письма. М., 1988.

¹⁴ Каверин В. А. Счастье таланта. М., 1988.

¹⁵ Каверин В.А. Освещенные окна // Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 7.

¹⁶ Каверин В.А. Эпилог. М., 2006.

¹⁷ «Счастье в жизни, а жизнь в работе» // Каверин В.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.С. 67 (в дальнейшем ссылки на собрание сочинений В. Каверина приводятся по этому изданию).

ской действительности, вне контекста которой невозможно говорить о жизни и творчестве писателя. Так или иначе, вопрос о принципиальной позиции Каверина, подробно и искренне рассказавшем о периоде своего взросления и оборвавшем рассказ о себе на полуслове, остается непроявленным. Однако описанного Кавериним биографического материала оказывается достаточным для интерпретации его произведений, которые создаются как раз в тот период жизни, который он «успевает» запечатлеть в мемуарах.

Необходимо отметить существование разночтений повести: сопоставление ранней редакции¹⁸ текста с «каноническим» вариантом, напечатанном в собрании сочинений (которое редактировал сам Каверин), обнаруживает редукцию последней версии повести. Выясняется, что при подготовке «Черновика человека» Каверин исключает несколько фрагментов из первой редакции, а также изменяет фамилию Куусинен на Кастрен. «Вырезанные» из первой редакции повести эпизоды связаны с еврейской темой (звучавшей в раннем рассказе «Инженер Шварц»), а именно, констатированием факта принадлежности героя к еврейской национальности путем изображения сцены обрезания главного героя при рождении и введением образа странствующего «от еврейских кварталов Праги VIII века»¹⁹ еврея в лице дяди Ровинского (в первой редакции сохраняется фамилия дяди — Миньковский, в последней — он именуется как «дядя Гриша»). В первой редакции повести обнаруживается интересная подробность: Ровинский всю жизнь «воюет» с подлецами — в гимназии — с толстым Суцевским, в армии — с Девкиным, взрослый Александр ненавидит любовника жены — Непенина. Все враги странным образом похожи: «коротконогие, с большими челюстями». Когда ко взрослому герою приезжает гимназический друг Алька Куусинен, они, гуляя по городу детства, встречают Непенина: «Коротконогий, полный человек в мягкой шляпе, откинутаой назад с мясистого лба, шел им навстречу. Он молча приподнял шляпу. «Тебе кланяются». Александр едва ответил на поклон. «Ты знаешь, на кого похож этот человек»? «На *Плескачевского*»²⁰, — сказал Куусинен». Плескачевского нет в повести, Куусинен хотел сказать — Суцевского, но «оговорился». С Плескачевским воюет гимназист-Каверин (эта история описана в «Освещенных окнах»), он — прототип Суцевского. В этой подробности Каверин «разоблачает» свою автобиографическую стратегию.

¹⁸ Каверин В. Черновик человека. Л., 1931.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 101.

В этом случае нельзя говорить о нарушении художественной условности, поскольку имя Суцевского вряд ли могло быть расшифровано читателем. Возможно, здесь имеет место быть авторская игра со своим текстом, но не с читателем, который, может быть и не вспомнит точной фамилии Суцевского, мелькавшей на первых страницах повести.

«Черновик человека» стоит особняком среди остальных текстов Каверина этого периода: в повести мы наблюдаем концентрированный синтез использовавшихся ранее способов применения автобиографического приема. В тексте находит место и фигура повествователя-демиурга, позволяющая себе нарушать художественную условность произведения, образы персонажей построены с установкой на прототип (но не на узнавание, как в «Скандалисте»), художественный мир текста оказывается наводнен мельчайшими автобиографическими подробностями, в тексте присутствует ретроспективный взгляд на события собственной жизни. История создания текста обнаруживает авторские интенции, сводящиеся в конечном счете к самопознанию. Однако меньше всего повесть напоминает авторскую исповедь, попытку разобраться в себе. «Черновик» в этом случае является очень точным названием. Действительно, повесть является черновиком сразу в нескольких смыслах: черновиком к повести, черновиком к созданию характера, черновиком к автобиографии, наконец, черновиком к «школе реалистической прозы» (по признанию самого Каверина). Повесть, таким образом, становится своего рода подведением итогов первого десятилетия, завершающим модернистский этап творчества писателя.

К статье прилагается таблица²¹, иллюстрирующая автобиографичность текста, которая может рассматриваться в качестве комментария к тексту. Таблица составлена в виде цитат из «Черновика человека» и «Освещенных окон» (в отдельных случаях привлекаются и другие мемуарные тексты). Цитаты из «Освещенных окон» «объясняют» происхождение образов и мотивов «Черновика человека».

Литература

1. Каверин В.А. Собрание сочинений. М., 1980–1983.
 2. Каверин В. Черновик человека. Л., 1931.
 3. Каверин В.А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М., 1965.
- Каверин В.А. Вечерний день: Письма: Встречи: Портреты. М., 1982.

²¹ См. приложение.

4. Каверин В.А. Письменный стол: Воспоминания и размышления. М., 1985.
5. Каверин В.А. Литератор: Дневники и письма. М., 1988.
6. Каверин В. А.Счастье таланта. М., 1988.
7. Каверин В. Ответы на анкету // Как мы пишем. М., 1989. С.51–64.
8. Каверин В. Эпилог. М., 2006.
9. Костанди О.Г. Вопросы кинопоэтики в сборнике В. Каверина «Мастера и подмастерья» // Ученые записки Тартуского Государственного Университета. Вып. 822. Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1988. С. 174–184.
10. Саянов В. Путь В. Каверина // В. Каверин. Сочинения. Т.1. Л., 1930. С.3-31.
11. Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Прототипы одного романа. // Альманах библиофила, М., 1981. Вып. X.C. 172–190
12. Эпштейн М. Черновик человека // <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/61/ep15.html>.

*Приложение. Таблица-комментарий к повести
«Черновик человека»*

Приложение представляет собой таблицу, составленную из цитат текстов «Черновика человека»¹ и «Освещенных окон»², а в отдельных случаях — «Скандалиста»³, «Эпилога»⁴, «Третьей фабрики»⁵ В. Шкловского и частных писем⁶. Сопоставление цитат представляет, на наш взгляд, наглядный комментарий, обнаруживающий происхождение образов, мотивов и сюжетных линий повести «Черновик человека». Таблица не является аналогом традиционного комментарий (который необходим тексту), однако является решением возникающей перед исследователем «Черновика человека» задачей: продемонстрировать истоки каверинского автобиографизма, а также обнаружить интертекстуальные связи между текстами писателями.

¹ Цитаты в таблице приводятся по следующим изданиям: Каверин В. Черновик человека. Л., 1931.

² Каверин В.А. Собр. соч. В. 8 т. Т.7. М., 1983.

³ Каверин В.А. Собр. соч. В. 8 т. Т.1. М., 1980.

⁴ Каверин В.А. Эпилог. М., 2006.

⁵ Шкловский В. Гамбургский счет. СПб., 2000.

⁶ Каверин В.А. Вечерний день: Письма: Встречи: Портреты. М., 1982.

	Черновик ⁷ человека	Освещенные окна
мать	Елена Матвеевна	Анна Григорьевна
1. внешность	«Она шла по коридору, закинув голову, гордо блистая пенсне»	«выше среднего роста, сдержанная, с гордой осанкой, полная, в пенсне, в близорука»
а) Часть 1. Детство	«Она приподнялась на кровати и надела пенсне прямо на красные, припухшие местечки по обеим сторонам переносицы» «знакомая жилка прыгала на маминном лице»	«Пенсне на тонком шелковом шнурке упало, вдавленные красные полоски на переносице побледили» «Как бы она ни была расстроена или огорчена, только голубоватая жилка билась на виске — все знали, что это значит»
б) Часть 2. Юность	«Мама стояла перед ним, худенькая, грустная, в ситцевом платье»	«Она похудела, и хотя не осунулась, но как будто стала меньше ростом, и что-то старушечье показалось в лице»
2. интересы	«Она приподнялась на кровати <...> измятая книга выпала из-под подушки»	«мать окончила Московскую консерваторию, много читала»
Отец	«Маленький, кривоногий отец»	«Он был невысокого роста»; «кривоватые — тоже от отца-ноги»
1. Внешность	«Затянутый в синий мундир военного чиновника, звеня шпорами, отец появился на пороге. Юбилейные медали болтались по правую сторону на его груди. Бравые усы торчали под носом»	«Отец сидел за столом ... с неестественно-черными, покрашенными усами, в парадном мундире...»; «На груди — медали»

⁷ «В нем была черта, о которой я догадывался и в те годы, когда мы почти не думали друг о друге. Он ценил настоящее, но будущее имело для него неизмеримо большее значение. «Сейчас» было черновиком для «потом». Сегодня — для завтра. А когда наступало завтра, он снова мог не пообедать, опоздать на свидание, не приготовить уроки. Впрочем, он их никогда не готовил.

В эти дни его «существование начерно» превратилось в почти полное исчезновение из нашего дома» // Каверин В.А. Т. 7. С. 118.

2. Отношения с семьей	«Звения шпорами, отец появился на пороге»	«Отец приходил из полка, обедал, ложился спать, иногда загадочно «уходил в Петровский посад» — и жил в своей семье постоянно» «У детей теперь были дети. Сыновья женились не так и жили не так, как надо. Он не знал, как надо, но все же было совершенно ясно, что они жили как-то не так»
	«А отцу снилось, что он говорит со своим покойным отцом. — Что ж, детки? Детки растут, и нас им совсем не нужно»	
Дядя	Гриша Миньковский	Лев Григорьевич Дессон
Внешность а) воспоминания дяди Гриши о молодости, рассказывает маленькому Диме, сыну Ровинского/ Каверина, детское впечатление от встречи с дядей перед заграничным турне	«У меня был мундир с серебряным кантом, — сказал дядя»; «Я приехал в белых петрах и зеленом жилете, — весь город смотрел на меня, когда я появился на вокзале. <...> Дамы были в белых шелковых туалетах»	«Дамы в белых кружевных платьях, в шляпах с большими полями сидели под зонтиками в саду. Дядя в коротком пиджаке с закругленными полями, в жилете, по которому вилась золотая цепочка, в канотье, небрежно откинутом на затылок, с тростью в руке шел по аллее. <...> Это был высокий темноволосый красавец, уверенный в том, что он нужен всем <...>»
б) дядя после рождения / дядя после болезни	«длинная сторбленная фигура в затисканном сюртуке»; «желто-седые волосы и обрывок салютки, завязанный вокруг целлулоидного воротника»	«Иногда он выходил посидеть на крыльцо — зимой в потертой шубе и бобровой бобровой шапке, а летом в нарядном пиджаке, который был некогда сшит знаменитым венским портным»

2. История дяди	«— У меня была одна знакомая румынка, когда я учился в консерватории, — сказал дядя. — Она подарила мне серую, которую я стал носить как брелок на часовой цепочке. И вот с тех пор, как я стал носить этот брелок, деньги сами пошли ко мне в руки. <...> И вдруг что-то толкнуло меня под руку. Я снял часы и положил их в колыбельку. <...> И только на другой день, в поезде, вспомнил, что вместе с часами подарил твоему папе брелок. И с тех пор пошло и пошло. <...> В два года я разорился дотла»	«Лев Григорьевич Дессон, известный пианист. Мать гордилась им, хранила афиши его концертов. Великий Падеревский лестно отзывался о его игре. Все было конечно теперь — он заболел какой-то неизвестной неизлечимой болезнью и в тридцать лет стал беспомощным калекой»
Младший брат	Вовка » — Наташа Гауэнер приехала к твоему брату, — сказала мама с иронией. Чувствуя себя взрослым, он на цыпочках прошел в столовую и остановился у окна, засунув руки в карманы. Сашка женится на ней».	Каверин «Лев собирался жениться на Марусе Израилит, она приехала с подругой <...>»
	«Он принялся рисовать человечков. Один вышел похожий на Шахунянца, учителя математики. <...> Он приделал Шахунянцу рога и хвост»	«Математик Шахунянец — всегда небритый, с ястребиными глазами <...> — То есть — как? — зверски выкатив глаза, спросил он»
	«Он съел холодную котлету из конского мяса»	«Наш подотдел получил конину»
Няня 1. внешность	Маша «смуголицая женщина, «цветной платок подвязан на груди», «два маленьких колеса качались в ее ушах» «сияя цыганскими глазами»	Настасья «смуголе, цыганское лицо»; «черные глаза разгорались»; «золотые кольца в ушах»; «концы платка под подбородком»

История няньки а) муж	«спился», «у вице-губернатора два хомута украд»	«е муж, губерниаторский кучер, проворовался, украд хомуты и теперь сидел в тюрьме; «он приходил пьяный и грозился»
б) любовник	«Приходила нянька, шептавшаяся за дверьюми с любовником, актером городского театра»	«Актер ждал ее у черного хода; Каждый вечер нянька бегала на черный ход; и они долго разговаривали шепотом в темноте»
в) сын	Алька Куусинен (перв. ред.; в посл. ред. — Кастрен) Я тебе еще в прошлом году говорила, когда Санечка в третий класс перешел, — не очень настаивая, сказала мама, — отдай Альку в гимназию, отдай Альку в гимназию. <...> Кончил бы гимназию, вышел бы человеком». «Я не хочу в наборщики. Я ухажу к отцу»	Коля Павлов «С Колей Павловым, нянькиным сыном, который до десяти лет жил у нас, судьба развела нас в 1912 году. Вопреки настояниям моей матери, которая была готова заплатить за Колю в гимназию, нянька отдала его в типографские ученики, и с тех пор мы почти не встречались»
Гимназисты	Алька Куусинен «Широкоплечий, коренастый мальчик-финн, скуластый и сероглазый»; «Кузнец Павел Куусинен ходил по двору <...> Стекло запотело, он вытер рукавом и снова стал разглядывать Алькиного отца. Какой славный!»	Альфред (Алька) Гирв «Альфред Гирв, сын кузнеца, был одним из моих любимых товарищей. Прямодушный, немногословный, с румяным квадратным лицом и выщипанная светлыми волосами»
	«Алька хотел быть врачом»	«он собирался на медицинский»

	<p>«Шесть гимназистов сидели в маленькой комнате, заложив ногу на ногу <...> Они курили, и шесть запрещенных дымов сливались в мышиные облака над их головами <...> Зная, что синяя шуба встала рядом с ним и закрыла его от Саши. Саша вскочил, смахнул табак на кровать и бросил на него полотенце. — Ребята, бросай курить! Все погасили папиросы, только Куусинен еще курил, улыбаясь. «Да не все ли равно, чудаки» — пробормотал он»</p>	<p>«У нас был кружок по литературе: младший Горин, братья Матвеевы, Рутенберг и я собирались у Альки и читали рефераты. (шесть гимназистов — курсив мой — А. Г.) Как раз накануне, когда мы только что расположились и закурили, вошел Иеропольский, новый учитель. <...> Иеропольский пришел потому, что он ухаживал за одной из Алькиных сестер»</p>
	<p>«Мура, сестра Куусинена, <...> появилась перед Козодавлевым в ту самую минуту, когда тот наклонялся, чтобы понохать Альку. <...> — Он ухаживает за Муркой, — мрачно объяснил он»</p>	<p>Как раз накануне, когда мы только что расположились и закурили, вошел Иеропольский, новый учитель. <...> Иеропольский пришел потому, что он ухаживал за одной из Алькиных сестер»</p>
	<p>«Тебе одному это не удастся, — сказал он, обожда, по манере своей, Сашино предложение вполне серьезно. — Но если бы мы пошли вдвоем... Один из нас дал бы ему по морде, а другой был бы свидетелем от имени класса. Если хочешь, я побью его, — задумчиво прибавил он»</p>	<p>«Алька не ушел, хотя я уверял то, что не боюсь, — и действительно не боялся. Он остался со мной, справедливо рассудив, что хотя мне едва ли устроит «темноту», но фонарей могут наставить — и немало»</p>
	<p>«Он взглянул на Куусинена и пожалел его. Куусинен похудел. Серпы синяков стояли под глазами. Светлые финские волосы растерянно торчали на висках»</p>	<p>«Мы держались, хотя однажды утром Алька пришел заметно изменившийся, с расстроеными глазами»</p>
	<p>Хаким Бекбулагов</p>	<p>Хаким Таканаев</p>

	«У него были желтые бешеные белки, и он кричал свои обвинения против латиниста, как молитву»; «... с татарским акцентом отвечал Бекбулатов»	«На Хакиме Таканаеве учитель истории <...> показывал разделение человечества на расы». Кориичневый красивый Хаким <...> <i>принял-жед, оказывается, к большой монгольской расе</i> »
	«Козодавлев понохал его с <i>отвращением</i> » — От вас несет табаком, — сказал он. — Если это повторится, я запишу вас в <i>кондуит</i> ». » — Кто-то уже успел нафискалить, что я курил в уборной, — сказал он Бекбулатову, сидевшему с ним на одной парте»	«Хаким Таканаев держал со мной пари, что он пройдет за Емоцией по всему коридору с <i>пиросой в зубах</i> , пуская дым за пазуху, чтобы было не так заметно. И он бы прошел, если бы Гришка Панков не дал ему подножку. Емоция обернулась, <i>побрызгав</i> , и Хаким <i>попал в кондуит</i> »
	Костя Трахтенбауэр	Костя фон дер Белен
	«Трахтенбауэр, крошечный гимназистик <...> казался смешной розовой обезьянкой в больших очках»	«В нашем классе учился Костя фон дер Белен, <i>очень маленький важный</i> лопухий. Одна из заметок в записных книжках Чехова: «Крошечный гимназистик по фамилии Трахтенбауэр» — и до сих пор неизменно заставляет меня вспомнить о Косте» ⁸
	Алмазов	Борька Алмазов
	«Молодцы в <i>воночных кожухах</i> , вкатывавшие на помост темно-рыжую керосиновую бочку, передали ему дорогу. <...> Отец стоял в шубе, среди новых керосиновых ламп. Он был седой, с <i>лоснящимся лицом</i> . <...> Увидев сына, он <i>молча вытянул ящик конторки и положил на прилавок пятакочок</i> . — <i>Папаша</i> , мне нужно еще на тетрадь три копейки, — сказал Алмазов. Знакомый, <i>ненавидимый запах отцовской лавки</i> еще преследовал его, когда он шел вдоль железных рядов»	« <i>лоловые в длинных грязных передниках</i> , носившие между столами, пьяные крики, сизый воздух, <i>острый запах дыма и постного масла</i> опеломили меня. На високом стуле за прилавком сидел жирный, <i>потный</i> , бородатый мужик с аккуратно расчесанной бородой. Опустив голову, Борька стоял в двух шагах от него. <...> Он должен был стоять и ждать, не говоря ни слова. Наконец трактирщик <i>швырнул на прилавок пятак</i> , Борька прошептал: «Спасибо, <i>папенька</i> » — и выскочил вслед за мной из трактира»

⁸ См. ниже.

	<p>Толя Куцевский</p> <p>«Коротконогий, медвежатый гимназист шел вдоль забора, кончавшегося ларьком Черной бабы»</p>	<p>Плескачевский</p> <p>«Толстяк Плескачевский <...>, обойдя дальние пикеты, вышел из проходного двора, пугливо оглядываясь и по-медвежьи подворачивая ноги»</p>
	<p>«Коротконогий, полный человек в мягкой шляпе, откинутой назад с мясистого лба, шел им навстречу. Он молча приподнял шляпу.</p> <p>— Тебе кланяются.</p> <p>Александр едва ответил на поклон.</p> <p>— Ты знаешь, на кого похож этот человек? На Плескачевского, — сказал Куусинен»</p>	
	<p>» — Сволочь, а то вчера говорил, что штрейкбрехеры будут поддателями против всего класса? — крикнул Саша»</p>	<p>«И штрейкбрехер нашелся — правда, только один»</p>
	<p>«От имени пятого «б» класса, — сказал он, наступив на алгебру Киселева, — требую ответа на вопрос: куда ты идешь? Куцевский все отступал, оглядываясь, бледнея.</p> <p>— Мы объявим тебе бойкот... Быстрым и поведительным движением Куусинен сбросил с него фуражку. Куцевский наклонился за ней, но был сбит с ног раньше, чем распрямился. Он коротко закричал, потом, лежа на снегу, сказал со злобой:</p> <p>— Я все рассказал Артемию Григорьевичу. Вас исключают, мерзавцы.</p> <p>Саша, качаясь от ненависти, подошел к нему, потом остановился. Все стало очень ясным, но тут же стало понемногу мутнеть. Он плюнул Куцевскому в лицо, но не попал»</p>	<p>«Я собрался было приступить к переговорам, и, возможно, они произвели бы впечатление, если бы Алька, просто из предосторожности, не взял его за отворот шинели. Плескачевский рванулся, пуговицы оглетели, и мы, подхватив его под руки, затянули обратно в подворотню проходного двора. Тут уже было не до переговоров. Он укусил Альку за руку, мы оглушили его по розовым щекам, и он кинулся бежать от нас — не в гимназию. Я подобрал Плескачевско-рассыпавшиеся в драке, догнал Плескачевского, сунул ему учебники и сказал:</p> <p>— Подлец!»</p>

	ПОЛЯКИ	ПОЛЯКИ
	<p>«Поляки, с месяц назад переведенные из рязанской Вильны, сидели крепкие, коротко остриженные, с большими челюстями и чужие для всех»</p>	<p>«В 1915 году в наш класс были переведены поляки-беженцы из Варшавской гимназии. <...> Ни с кем не спорясь, они ни с кем не дружили»</p>
<p>События в гимназии: 1. Учитель оскорбляет гимназиста</p>	<p>» — Он чесался, — кричал как молитву Бекбулатов. <...> Мне плевать на его единички. Он нарочно меня оскорбил. Он сказал, что мы обидели после битвы при Калке. Я мусульманин, бисмиллях. Какое право он имеет надомной насмехаться?»</p>	<p>«В этот день Бекаревич вызвал Соркина<...> и немедленно велелти ему двойку. Соркин ходил в изношенных высоких сапогах — других у него не было — и старательно мазал их ваксой. Прежде чем снова уткнуться в классный журнал, Бекаревич с отвращением поглянул носом воздух и спросил: «И зачем ты ходишь в гимназию, Соркин?»»</p>
<p>2. История с подстрочником</p>	<p>» — Собака, собака, да я никогда иначе и не переводил, как по подстрочнику, — кричал Бекбулатов, — да что же он раньше не знал собаку, что Овидия все готовят по подстрочку? <...> Мне плевать на его единички»; «- Хаким, это касается тебя, — сказал он и злобно швырнула скрипку на кровать. — Козодавлев только что с заседания педагогического совета. Тебя исключили»</p>	<p>«Листок выпал из книги, и Бекаревич поднял его, прежде чем Смилга успел наклониться. <...> Потом поставил единичку, а листок не вернул- положил его в классный журнал. Ничего особенного, казалось, не произошло. Мы пользовались подстрочниками, правда — не в классе. <...> На другой день мы узнали, что решением педагогического совета Смилга исключен из гимназии»</p>
<p>3. Исключение</p>	<p>«Я все рассказал Артемию Григорьевичу. Вас исключают, мерзавцы»(с. 31); «Исключили весь класс, кроме Куцевского и Грахтенбауэра. Двух без права поступления. Всем остальным предложили подать заявление об обратном приеме»</p>	<p>» — Только что кончилось заседание педагогического совета. Весь класс исключен. <...> — Пять — без права поступления.....Это значило, что кто-то выдал наш комитет. — А все остальные должны покаяться и дать клятву, что больше никогда не будут устраивать забастовок»</p>

4. Стена в Ботаническом саду	«Он думал о своем и не замечал гимназистов, собравшихся в кустах вокруг огромного плоского камня, положенного в честь основателя Ботанического сада. <...> Он грустно смотрел на почтучье лица одноклассников. Ряды его приверженцев редели. Маленький Трахтенбауэр сидел на пне <...> «Трахтенбауэр уже подал», — холодея подумал Саша. <...> И никто, кроме Алдыки не снял герби. И все молчали. Кастрен поднялся со своего места и неторопливо подошел к нему. — Брось, — сказал он с презрением и указал головой на одноклассников. — Они все подали, что с ними толковать»	«В овраге лежал плоский, заросший мхом камень — память о Раевском — основателе Ботанического сада. Мы столпились вокруг него, разгоряченные, возмущенные, а некоторые истинно-гангные, кислые и, очевидно, уже подумывавшие о том, чтобы подать, пока не поздно, покаянное заявление. И скоро стало ясно, что подадут почти все»; «Мы ходили в фуражах с сорванными гербами и держались»
Учителя в гимназии: директор	Козодавлев Артемий Григорьевич, директор «Козодавлев видел себя директором гимназии, произносящим речь на заседании педагогического совета»	Готалов Артемий Григорьевич «Я помню общее собрание учащихся средних учебных заведений в актовом зале гимназии под председательством нашего директора Артемия Григорьевича Готалова» «Гимназисты непочтительно называли его <i>губошлепом</i> »
латынь	Борода, преподаватель латыни «Козел чуть не записал меня в кондуит за то, что я курил в уборной»	Борода, преподаватель латыни и классный наставник; Бекаревич — преподаватель латыни «Латынь не преподается, но Борода по-прежнему ходит в гимназию. И прежде он <i>вшивал</i> , а теперь все чаще»; «Бекаревич <i>пил и</i> , должно быть, <i>хватил лишнего</i> в этот исключительный день»

Иностраннный язык	Мария Эдуардовна, преподавательница английского языка	Елена Карлона Иогансон, преподавательница немецкого языка
	«Маленькая, изящная женщина в черном платье вышла из соседней комнаты и ласково погладила его по лохматой голове. — У них в классе произошла какая-то неприятная история, Мария Эдуардовна. <...>, — сказал старший из братьев, с жадностью глядя на гладкие руки англичанки»	«Елена Карловна Иогансон, <...> длинная, худая белокурая, с маленькой головкой <...>, получила от нас вместо письменных работ любовные записки»; «Немецкий он знал, но Елена Карловна разозлилась, когда он объяснял ей в любви и сделал в записке три грамматические ошибки»
Александр Ровинский 1. Рождение	«Я готов держать пари с кем угодно, что будет девочка, — сказал он, стараясь не очень жалеть сестру. Он был уверен, что все кончится благополучно <...> — Ты рада, что мальчик? — Ах, мне все равно!»	«Саша предпологал, что у нее будут средние по трудности роды. — Держу пари, что мальчик, — сказал он <...> Наконец Зоя родила девочку»
	«Они сидели, молча слушаая крики, доносившиеся из соседней комнаты. Роженица кричала, что больше не может рожать. «Не могу, не могу, не могу...»	«Мне показалось странным, что в столовой спокойно разговаривали, а когда Зоя кричала, никто к ней не шел, а только прислушивались. <...> «Зоя кричала теперь по-польски»
	«Гриша взглянул на его полные веснушчатые руки и с томительным ощущением тошноты отвернулся... Бабушка громко заплакала, когда, благополучно качая головой, еврей положил нож на стол и засучил рукава»	«Акушерка сердилась: стемнело, выстрелы приближались, она жила далеко <...>, — и нянька стала бояться, что она что-нибудь сделает, чтобы Зоя родила поскорее <...> меня немного трясло, хотя я не чувствовал страха»
	«Детские распашонки, сивальники, чепчики лежали на клеенчатом столе»; «ты пеленочку возьми», — лемя она странным голосом, отвыкшим от пения, — «и на одеяло положи»	«По всему дому развешено детское белье», «все происходящее в доме направлено к ее благополучию и концентрически вращается только вокруг ее существования»; «сестра, укачивая девочку, сама незнакомым зрбым голосом — сердилась, что девочка еще не спала»

	<p>«— Нет, конечно, это последний, — сказала Елена Матвеевна. <...> Обморочное чувство заставило ее почти упасть на постель. — Я никогда еще не была так слаба...»</p> <p>«отец на цыпочках вошел в столовую и сел, растерянно нюхая пальцы»</p>	<p>«Сама она тоже рассказала, что Сашу родила легко, чуть ли не на извозчике, а меня — трудно»</p> <p>«Девочка улыбается, и, сморгнув набежавшую слезу, отец целует ее ручку и уходит, стараясь не скрипеть сапогами»</p>
<p>Бессонница</p>	<p>«Боясь, что не заснет и тогда, когда все кругом уже будет спать, он долго не мог заснуть по вечерам. <...> Тени шли на потолок, все шло. Наверное, двенадцать. Алька уже давно спит. А я не засну до утра. Он проваливался и просыпался. Сонно дышал брат. Уже прошло все — и как ложился брат, и шуршание отцовской газеты. Не могу заснуть»</p> <p>«Там под зелеными абажурами сидели чиновники в зеленых мундирах и держали зеленые ручки. <...>10. 12. 15. Извозчик проехал. 16. 18. 22. <...> Чиновники стояли на горе в папках. Шумела река. <...> Мясник сказал, что, если вовремя не заснешь, собственная тень придет в кровать и защекочет до смерти»</p>	<p>«Задумываясь, я забывал уснуть и уже заринее ждал и боялся, что в эту ночь снова забуду. <...> Все тише становилось в доме. Вот легла мать, Саша в соседней комнате с кривым полом сунул под подушку «Пещеру Лехтвейса» и мгновенно заснул. Вот и отец проширшил прочитанной газетой, погасил свет, захрапел. Теперь спал весь дом, и только я лежал и думал»</p> <p>«...Лавочник, немец, красный, с седой бородой, говорит тоненьким толосоом. Мы с мамой заходим к нему, покупаем масло — восемьнацать копеек фунт. Неужели правду Сашка сказал, что у него серебряная трубочка вместо горла? <...> ... В лавке Гущина пол посыпан опилками. Арбузы — горками. В ящике — апельсины. <...>... Губернатор в трехголке и в белых штанах проехал на парад. <...> Чайный магазин Перлова с драконами, игрушечный магазин «Эврика»</p>
<p>Ночное творчество</p>	<p>«— Преридакотельру, — сказал ему Саша на своем языке, на котором он иногда произносил в уме целые речи, — кто-ри далко теубери праковору нари эктору?»</p>	<p>«Ночью, когда мне не спалось, я сочинял стихи, подражая Жуковскому <...> Его баллады были как будто написаны на неизвестном языке. Что такое «анахорет»? Кто такие</p>

	<p>Это значило: «Предатель, кто дал тебе право на это?» Он вставлял ри-ко-ру поочередно после каждого слога.</p> <p>— Тыри́ неко́ сурудяри́ дялко́ меруняри́! — отвечал Кутцевский»</p>	<p>Эвмениды? <...> Недаром же стихи были так непохожи на обыкновенную человеческую речь! Мне казалось, что поэзия требовала какого-то тайного уговора — все условилось не замечать ее странностей...»</p>
<p>Поведение</p> <p>а) театральность</p>	<p>«Не будь я Александр Ровинский, Если я не узнаю имя этого подднца! <...></p> <p>— Ты говоришь, как на сцене, — с татарским акцентом отвечал Бекбулатов»;</p> <p>» — Ты говоришь слова, которые самому тебе непонятны», — спокойно сказал он»</p>	<p>«Я тоже любил играть, но один, когда меня никто не видел»; «Театр заставил меня впервые задуматься над понятиями «быть» и «казаться» <...>Что заставляло меня повторять чужие мысли, выдавая их за свои? Что заставляло меня тянуться, выставляться перед одноклассниками, перед Алькой, который доверчиво слушал все, что я врал ему о книгах, знакомых мне лишь понаслышке?»</p>
<p>б) склонность к отождествлению себя с литературным героем, театрализирование прочитанного</p>	<p>«<...> он читал монолог Франца Моора <...> Саша стоял на этом камне, на слове вечность, заросшем серым курчавым мхом. <...> Подобно Карлу Моору, он тотчас был при-вязать к дубу свою правую руку: «Решайтесь предатели, кто из вас первый оставит в нужде своего атамана!»</p>	<p>«В Николеньке толстовского «Детства» я узнавал себя. Я ехал с Олениным на Кавказ <...>;</p> <p>«Главная черта детского чтения — театр для себя, непреодолимая и естественная склонность к театральной игре. <...> В чтении первых книг невольно участвует эта ставшая привычной любовь к перевоплощению. «Театр для себя» вдруг получает свет, режиссизит, декорации, кулисы»</p>

<p>в) склонность к эпатажу: «странные» поступки в глазах окружающих</p> <p>I. Детство</p>	<p>«Быть может, весь класс меня проклинает, — грустно подумал он. — <i>Ведь если бы не я, никому в голову не пришло бы устроить такой бенефис Бороте</i> <...> Мы призовем его к товарищескому суду. Я выступлю обвинителем от имени класса» <...> Мама остановилась на пороге, испуганно глядя на его искаженное лицо»</p>	<p>«По ее мнению, я слишком рано развился, глаза у меня, например, совсем не такие, как у других детей в моем возрасте»; «Я написал Жене Береговой письмо.</p> <p>«Прошу Вас <...> не считать меня более в числе своих знакомых». На другой день Люба Мознаим, подруга Жени, пришла ко мне обьясниться. Я молчал. Мне хотелось казаться загадочным, сложным. Прямодушная Люба сказала, что я — дурак, и ушла»; Беда мне с этим ребенком», — говорит мать. — «О чем-то он все думает, думает»</p>
<p>II. Юность</p>	<p>« — Мне тоже кажется, что ты помешался, — неожиданно добавил он»</p>	<p>«Он просто постарался доказать, что я, может быть, и хороший парень, но со <i>стираниями</i>»; «Ты — стиранный парень, — подумав сказал Юрий»; «Долго не мог понять я загадочного поведения мамы: то она спрашивала, не мучают ли меня кошмары, то- не случается ли, что я вдруг забываю, где нахожусь — в университете или дома... Только ночью, когда мы улеглись, я понял, в чем дело: должно быть, Михаил Алексеевич, прочитав мою «Хронику», усомнился, <i>находится ли его бывший ученик в здравом уме и твердой памяти</i>, и, прощаясь с мамой, на мою беду, посоветовал ей познаться с рассказом. Беда моя мама! Нетрудно было представить себе, как <i>перепугалась она</i>, прочитав главу, которая называлась: «О преступной роли автора» и т. д.»</p>

<p>III. Прощание с юностью</p>	<p>«Дима забыл о мамينو поручении. Папа, балующийся с Вудькой, поразил его. <...> Папка не понимает, <i>чудака</i>, что склянка в одну минуту разобьется»; «потому что нужно же быть <i>сумасшедшим</i>, чтобы бросить жену, схватить мальчика и ночью уехать из города, не сказав никому ни одного слова, так что даже на службе не знали, что он получил новую работу в Ленинграде, в этом доме, где на каждой двери написано, что в нее нельзя стучать, где собаки, завоевавшие права человека и гражданина, представляли себя в полное распоряжение своих старших и более опытных братьев, с их помощью пытавшихся решить наконец задачу, предложенную человечеству Союзом»</p>	
<p>Мысли о смерти</p>	<p>«Он встал, накинул на себя шинель и снова достал револьвер. Холодный и тяжелый. <i>А что, если сейчас застрелиться?</i> Он поднес револьвер к виску. <i>Вся гимназия хоронила бы его, на Куцевского все бы плевали.</i> <...> Кастрену же клялся отомстить за его смерть, <i>отец вел под руку маму, извозчики длинной вереницей ехали за гробом, гимназический оркестр играл похоронный марш.</i> Он заснул с револьвером в руке и наутро дошел был без возражений отдать его перепуганной маме»</p>	<p>«Прежде я даже любил представлять себе, как я умираю: <i>гимназический оркестр идет за моим гробом, играя похоронный марш,</i> <...> <i>Валя К. мелькает в толпе, прижимая платочек к покрасневшим глазам. А я лежу в открытом гробовом гробе и думаю со злорадством: «Ага, дождались! Так вам и надо!»; «Я поставил к печке табурет, влез на него, и, дрожа, надел петлю на шею.<...> Я толкнул ногой табурет — и, без сомнения, не писал бы сейчас эти воспоминания, если бы в кухню не вошел денщик отца Василий Помазкин. <...> Василий подхватил меня и осторожно вынул из петли»</i></p>

успеваемость	« — <i>Борода</i> выгнал Бехбулатова вон из класса, — говорил Трахтенбауэр с полным ртом. <...> У нас все, кроме Ровинского и меня, читают по подстрочку <...>»	«Он (<i>Борода</i>) поставил мне тогда пятерку, хотя, отвечая Цицерона, я сделал две или три ошибки. Это значило, что и в году у меня будет пятерка по латыни — честь, которой удостоивались до сих пор только поляки»
Разговор с мамой I. Детство	<p>» — Я получила извещение. Если директор спросит меня, как я смотрю на это дело, я отведу... — Мамочка, ты ответишь, что мне уже пятнадцать лет и что я сама могу раслачливаться за мои поступки... Все это было не совсем так. Разговор был длиннее и страшнее. Насчет <i>травы в пятнадцатилет</i> ответила за свои поступки не было сказано ни слова. Мама стучала ложкой по столу и немного плакала...»</p>	«еще в прошлом году, когда мать получила «извещение», пригласившее ее к инспектору по поводу поведения младшего сына, она написала на оборотной стороне: «Считано сына достаточно взрослым, чтобы он мог сам отвечать за свои поступки»
II. Юность	<p>» — Мамочка, ты чем-то недовольна? <...> — Я недовольна только тем, что тебе <i>девятнадцать лет</i>, — сердито сказала мама. — Ты еще мальчик, и тебе рано жениться. <...> — Ты очень похудел, — сказала она вслух, тебе нужно поправиться, а не жениться. <...> — Мамочка, я прошу тебя посмотреть на нее как на мою жену. Мама сняла пенсне и заплакала. — Ты уже не маленький, — сказала она плача»</p>	«Я помню, как Лев, едва кончив гимназию, сказал ей за обеденным столом: «Мамочка, я женюсь. Передайте мне, пожалуйста, сахар»; «Но была и особенная причина, глубоко озорывшая маму. Он не только задумал жениться, но решил отпраздновать свадьбу немедленно, в ближайšie дни»; «по ее (маминим) понятиям, мне не хватало семи-восьми лет, чтобы ухаживать за этой серьезной девушкой <...>»

<p>Любовь I. Детство</p>	<p>«Саша читал мамину книжку: «Виду той блзости, которую влечет за собой любовь в Италии, между любовниками не могло быть и речи о тщеславии». Он повернул страницу и с <i>бьющимся сердцем, весь вспыхнув</i>, прочитал: «Младшая и более простодушная обняла его без всяких церемоний». <...> Нянька, ты дура, — сказал он, <i>притворяясь спокойным</i>»</p>	<p>«По утрам, едва проснувшись, я в отчаянии боролся с мучительным чувством неудовлетворенного желания. После четырнадцати лет оно не оставило меня, кажется, ни на минуту»; «<...> и со <i>сладким, страшным ударом в сердце</i> увидел я голые белые женские ноги»</p>
<p>II. Юность</p>	<p>«Наташа еще <i>спала</i>, когда он пошел к ней. Он сел на мягкий стул возле кровати и машинально поднял <i>ребенка</i>, валявшийся на ковре. Она <i>постарела, похудела</i>. Он осторожно вынул изо рта догоревшую самокрутку. «Да, постарела», — подумал он снова, <i>разглядывая спокойное, надменное лицо с разлетающимися бровями</i>»</p>	<p>«Она <i>спала</i>, когда я вернулся. Краешек <i>накомого платья</i> торчал из чемодана, стоящего на стуле в передней. <...> Волнуясь, я простоял эти полчаса, глядя на Валу. Мы не виделись больше года. Она <i>похудела, повзросела</i>. Волосы были перекинуты через плечо на приоткрывшуюся под знакомым халатиком грудь. Она дышала <i>ровно, счастливо</i>»; «В соседней комнате, прежде спальные родители, на диване, одетая, но <i>без туфель</i>, в легком платье, откинувшись до колен, <i>легко дыша, стала</i> Валя — и не проснувшись, не шевельнувшись, когда я вошел, только <i>глубоко</i> вздохнула. <i>Спокойно поднималась и опускалась</i> грудь, лицо <i>разрумянилось</i> <...>»</p>
	<p>«Желтоволосая баба равнодушно кормит тощей грудью ребенка. <...> Она (<i>Наташа</i>) <i>сурово</i> рассматривает желтое лицо женщины, кормящей ребенка. Ребенок сосет с глазами, закрытыми от наслаждения. Она <i>прикладывает</i> горячий лоб к железным поручням, подерживающим верхнюю полку над ее головой. Вот я посвящаю тебя в жены...»</p>	<p>«Мы говорили о любви, и валя утверждала, что любовь без детей <i>безответственна</i>. Я <i>неохотно</i> соглашался. — Раз в месяц природа <i>напоминает</i> женщине, что она может стать матерью, — <i>поучительно</i> сказала она <i>однажды</i>»; «Но не знаю, как вы... А мне хочется и смеяться и плакать, когда я вижу вас семнадцатилетним отцом...»</p>

<p>III. Прощание с юностью</p>	<p>«Холодная, высокая, соблазнительная, она встала и прошла в соседнюю комнату»</p>	<p>«Высокая, с грациозной и в то же время решительной походкой, она была на редкость хороша собой, но не сдержанно хороша <...>, а выходяще, ярко»</p>
	<p>«Тебе нужна не женщина, а прислуга, которая готовила бы тебе бутерброды, пока ты сидишь в конуре и возишься со своими собачками»</p>	<p>«Ей казалось, что на ее плечах лежит вся тяжесть семейной жизни, в то время как ее, красивую и талантливую, судьба предназначила для какой-то другой. <...> Она сердилась на Юрия, — размышляя о теории народов, он откровенно вытирал посуду <...>»</p>
	<p>« — Именно тех людей, которые хоть немного крашивают существование в этом проклятом городишке, ты и отваживаешь от нашего дома»</p>	<p>Эпилог «Старый круг друзей постепенно отдался, растаял, в доме появились теоретики музыки, музыканты, музыковеды — Елена Александровна — его жена и моя сестра, была сперва музыкантом, потом музыковедом. <...> Но новые друзья были не то что равнодушны к нему, он просто был недосягаемо высок по сравнению с ними, и слаживать это неравенство не хотелось ни им, ни ему»</p> <p>Скандалист «Его друзья были когда-то отчужденно Мальвиной Эдуардовой, и этого он в глубине души не мог простить ей, хотя никогда не говорил об этом ни слова»</p>

	<p>«Женский чулок лежал на коврике возле кровати жены. Он смотрел на него, бреясь. С намыленной щекой, с бритвой в руке, он поднял чулок и с минуту держал его в пальцах, сжимая упругий шелк.</p> <p>«Если бы мы вчера не поссорились...» Она спала, заложив руки под голову, вытянувшись, одяло сползло с круглых смуглых плеч, грудь поднималась и опускалась. «Если бы мы вчера не поссорились...» Он вернулся к зеркалу. Чулок, качаясь повис на спинке стула»</p>	<p>«В соседней комнате, прежде спальные родители, на диване, одетая, но без туфель, в легком платье, откинувшись до колен, лежала дыша, спала Валя — и не проснулась, не шевельнулась, когда я вошел, только глубоко вздохнула. Спокойно поднималась и опускалась грудь, лицо разурмянилось, и смуглота была не бледной, как в Москве, а розовой, сонной. Зачем я солгал ей? <...> И мне вдруг представилось, что все вернулось или, быть может, еще вернется? <...> Сердце уже билось как бешеное, я не мог оторвать глаз от ее чуть загоревшего, успокоившегося, милото лица, от ее крепких ног, приоткрытых до колен, от голых рук, от уютно сложенных под щекой ладоней. Боже мой, а может быть...»</p>
	<p>«Ты сядишь на меня, Алька, за то, что я женат... <...> Между тем это происходит гораздо проще, чем ты предполагаешь. Появится женщина, сперва в столовой, потом в кабинете и спальне. У меня тогда еще не было кабинета. В столовой она наливает тебе суп, в кухне бранит прислугу. В спальне снимает платье и ложится в твою постель, натуро одевается и ждет тебя к обеду. Она ходит по твоей комнате... <...> Ты сядишь на меня за то, что я женат. Но ведь это происходит гораздо чаще, чем ты предполагаешь. <...> Если бы ты был тут, рядом, я сумел бы тебе объяснить все это так, как мы когда-то умели объяснять друг другу»</p>	<p>Скандалист Жена лежала рядом с ним, большая и грозная, устроенная именно так, чтобы лежать рядом с ним. Эта была та самая женщина, которой он улыбался. Да, именно улыбался, обязан был улыбаться <...> его жена, его судьба, которая живет с ним в одном доме, спит с ним в одной постели и пре-</p> <p>Частная переписка «Левочка, не женись! Левочка, не рожай детей! <...> Я — жалкий дачный муж. Щеки мои ввалились, у меня невралгия лицевого нерва и боязнь расстройний (не про странства!). по средам и субботам в шестом часу вечера на проторая живет с ним в можно встретить человека с мешком за</p>

<p><i>бует, чтобы он улыбался»; «Жены, уединившись вокруг Мальвины Эдуардовны, занялись со всей тщательностью прислугами и детьми. Прислуги, как выяснилось, были нечистоплотны, зрублили, воровали, жаловались в профсоюз»</i></p>	<p>спиной, с чемоданами и сверточками в руках, иногда с детской ванной, иногда с ведром или корытом, одетого странно и небрежно. <...> Подумаешь только, что этот человек еще недавно был жизнерадостным, подающим (хотя бы правому крылу литературы) надежды молодым Серпионом! <i>До чего доводит иной раз семейная жизнь!! Девочка, не женись!!!</i>» (К. Федин — Л. Лунцу. Петербург. 20. VII. 1923); «Мы с Лидой (Тыняновой) вспоминаем тебя на каждой тарелке, сквороде или сарнище. Лидка кланяется тебе и целует. Мы живем с нею чудесно и не жалеем, что поженились, честное слово...» (В. Каверин-Л. Лунцу)</p>
---	---

сын	«Дима пыхтел над переводным слоном, который ни за что не хотел вылезать из-под размокшей бумаги»	<p>Третья фабрика</p> <p>«Красный слоник, игрушка моего сына, пускаю тебя первым в свою книгу, чтобы другие не гордились»</p>
Служба в армии I. Место	«Более тысячи девятисот солдат спали в лагерах на Ходынском поле. <...>Александр все лежал, закинув под голову руки. <i>Короткий солдатский отбых</i> владел недвижимыми девятью телами вокруг него. <...> <i>Аэропланы щумели над головами идущих в ногу солдат.</i> <...>Тень от проволочки полевого телефона лежала у его ног, подобная основанию гигантского чертежа, в который были вписаны равнобедренные <i>треугольники палаток.</i> <...> <i>Герб, сложенный из осколков кирпича, уколол ему руку»</i>	«Лагерь мы ставили на Ходынке <...> Весной двадцатого года это были места загородные, пустынные — обширное поле, но не деревенское, довольно пыльное, кое-где заросшее травой. <...> Вскоре <i>большие палатки</i> , каждая на одиннадцать человек, были поставлены, дощечки проложены, утопганы и покрыты <i>битым кирпичом.</i> Большая <i>красная звезда</i> была выложена в центре лагеря <...> Рано настала жара, поле выгорело, мы дышали пылью, <i>самолеты</i> , садившиеся неподалеку, <i>пролетали низко</i> , оглушая ревом моторов <...> <i>ложжились не умявшись — и мгновенно засыпали мертвым, каменным сном»</i>
	«Маленький <i>кривоногий взводный</i> громко отсчитывал шаги. Лицо его сияло <i>от влдохновения и пота.</i> Он был счастлив»	Вот появился <i>взводный, кривоногий</i> , с грозно торчащими усами. <...> Он забыл обо мне, увлекшись расставленными ногами взводного, которым старался придать такое же <i>глулое торчащее выражение»</i>
II. Сослуживцы А) товарищ	Боря Худяков	Петр Вильямс
	«очень бледен»; «слетка раскосые, мечтательные глаза»; «дышал грудью»	«Худенький»; «высокий беленький юноша с хохолком, падавшим на лоб»

Б) враг	<p>Девкин «чу него была белая, как будто очерченная мемом, челюсть»; «мясистые зубы»; «толстые пальцы мародера»; «большие плоские зубы»; «круглые колбасы мускулов»</p>	<p>Хлынов «коротконогий»; «короткопалый, с маленькими злыми глазами <...> с большой челюстью, как будто обведенной мелом»; «верхняя губа мясистого рта поднималась, показывая большие плоские зубы»; «зверское лицо»</p>
<p>III. История невесты</p>	<p>«Должно быть, я помещался. Я боюсь стать с Девкиным в одной палатке. <...> — Он доводит меня своими шутками до того, что я себя не помню, — сказал Александр. <...> — Я его не боюсь. Но я постоянно думаю о нем. И мне почему-то кажется, знаешь Боря, — добавил он после краткого молчания, — что я ненавижу его задолго до той минуты, когда встретился с ним впервые»</p>	<p>«Хлынов, красноармеец нашего взвода, не видел меня. Я ни в чем не был виноват перед ним, мы едва перекинулись двумя-тремя словами. Между тем это чувство, встывающее, казалось, с первого взгляда, с такой силой овладело им, что он хоть и хотел, может быть, но не в силах был с ним справиться. И не справлялся <...> Мы виделись почти ежедневно, сидели в одной палатке, и несело было мне утраивать меня на ночь, зная, что вдесяти шагах от меня спит человек, который охотно зарезал бы меня, если бы это сошло ему с рук»</p>
	<p>«Александр лежал на траве, подле винтовки, составленных в козлы. <...> Обернувшись на шорох, он увидел знакомые толстые уши, торчащие над воронкой штыков. Он не успел вскочить, винтовки упали на него с шумом, штыками на лицо и грудь. Худяков, отчаянно ругаясь, помог ему подняться на ноги. Веревочное колечко валялось на земле. С рассеченной бровью, Александр обошел упавшие винтовки и стал медленно приближаться к Девкину»</p>	<p>«Однажды я сидел подле пирамиды винтовок — в ту пору винтовки, как бы прислоняясь друг к другу, выстраивались красивой пирамидой, которая держалась на кольце, надевавшемся на хомутики в том месте, где вставлялся штык. И вдруг вся эта пирамида с грохотом упала на меня, больно ударив по голове и плечам. Нельзя было снять кольцо незаметно. Оно оказалось разрезанным, и в том, кто это сделал, можно было не сомневаться»</p>

	<p>» — <i>Ать, два. Ать, два.</i> — Он отчаянно взмахнул рукой. — В цепи! <i>Взвод сорвал винтовки с плечи, рассыпался цепью, упал на землю.</i> — <i>Допустим, что противник наступает со стороны ангаров. Сожженная солнцем трава пахла дымом. Крошечные люди выводили из ангара аэроплан. Александр прицелился в одного из них, самого суетливого.</i> <...> <i>Взвод наступал под перекрестным огнем.</i> — Четвертое звено, за мной, вперед, бегом марш! — крикнул Александр. <...> Александр опустил глаза и отвернулся. <...> Молча надев винтовку на плечо, он обошел <i>Девкина, как падаль...</i></p>	<p>«Обучение шло своим ходом, мы кололи штыками рогозные мешки, набитые соломой, ходили на стрельбище. Вильямс, перепугав мишени, два раза выстрелил по моей и попал. <...> Я <i>стирался не смотреть на Хлынова: теперь я был убежден в том, что он либо убьет меня, либо искалечит</i>»</p>
<p>Ш. Отпуск</p>	<p>«Он вскочил, и открытка хрустнула в кармане. <i>«Сегодня в отпуск. Боже мой, какое счастье! Сегодня в отпуск. Мамочка, ты должна посмотреть на нее как на мою жену</i>». <...> Он убежал из лагеря тайком и очень торопился назад. У него не было времени выслушать отзыв. <...> <i>Стараясь не привлечь внимания часового, он осторожно прополз под проволоочной изгородью</i> <...> Спустия несколько минут Александр лежал на гольх нарах <i>гаутивашты</i>. <...> Мелькал под окном бледный нос часового. <i>Шла ночь</i>»</p>	<p>«Я не успел рассказать <i>Лидочке Тыняновой</i> о том, что получил письмо от Юрия и решил перевестись в Петроград. <...> <i>увидеться с ней, повидимому, можно было только в университете.</i> <...> <i>Взводный не дал увольнительной</i> <...> <i>Напол часа я убежал домой и, вернувшись в лагерь, узнал, что Вильямс сидит под арестом. На переключке он ответил сперва за себя: «Я», а потом за меня: «Здесь», но другим голосом, потолоще. Взводный рассердился и отправил его под арест. У нас не было <i>гаутивашты, и палатки, которая ее заменяла, можно было узнать только по часовой му у входа, сонно опирающемуся на винтовку. Я далеко обошел палатку, потом пополз к ней по-пластунски, как нас только что научил на занятиях ротный.</i> <...> Но теперь он уже рисовал то, о чем мы говорили, и жаркий солдатский день на Ходынке стал медленно всплывать в сонную <i>ночную гаутивашту</i>»</i></p>

<p>IV. Учебная игра</p>	<p>«Солнце встало из-за высот, обстреливаемых холостым пулеметом. Александр бежал вслед за своими товарищами вдоль линии учебных окопов. Его томила жажда. — Умираю, пить хочу, — сказал он Худякову, который, гремя железом снаряжения, бежал рядом с ним. Худяков тронул языком обматывающиеся губы. — Я напился в Серебряном бору, — сказал он. <...> К чертовой матери, я больше не исрано. <...> Двенадцать синих брали взводного в плен. Переминаясь с ноги на ногу, они пугливо смотрели на него, не зная, что делать с пленным командиром неприятельской части. <...> Он услышал тулкий стук выстрела за спиной и жалобно вскрикнул. Ладонь была больно ушиблена твердым комокком учебного патрона. Девкин пробежал неподалеку от него с фуражкой, сбигтой на затылок. <...> Не зная, что делать, Александр полизал почерневшее место, потом обмотал разбитую руку носовым платком. <...> Жажда была забыта наконец. <...> Он сдернула платок с большой руки и пошел быстрее. <...> Он выстрелил и промахнулся»</p>	<p>«Стоял конец июля, Ходынка выгорела, ежeminутно хотелось пить, и казалось, что на минах, когда полк разделили на «синих» и «красных», выпрает сраженные тот, кто лучше переносит жару. Я переносил ее плохо, а Вильямс, который сразу много хлебнул из своей фляжки, и вовсе не переносил. <...> Вильямс не бежал, а тащился по открытой местности <...> «Синих» мы еще не видели, но где-то поблизости слышались выстрелы <...> По взволнованному виду пробежавшего взводного нетрудно было заключить, что правый фланг «синих» пересекал этот лесок... <...> Со штыками наперевес мы кинулись в лесок — и в эту минуту я увидел Хлынова: он обогнал меня, обернулся и выстрелил, целясь в лицо. Не знаю, когда я успел заслониться. Комок пыха удирил в ладонь, я взвыл от боли, но продолжал бежать куда-то по буреракам <...> Не знаю, какое чувство заставило меня сказать Вильямсу, что я сам нечаянно поранил руку. В деревне я долго держал ее в холодной воде, а потом перевязал носовым платком. <...> И когда мы случайно встретились глазами (с Хлыновым), он, торопливо отвернувшись, усердно занялся стволлом ореншика, с которого срезал кору перочинным ножом»</p>
<p>V. Друг детства</p>	<p>«Куусинен вынул из кожаного портсигара пипиросу. Она оказалась сломанной. Он бросил ее прочь и достал другую. — Мне пришла в голову одна история, доктор. Я был тогда гимназистом... — Вы и теперь гимназист. Кууси-</p>	<p>Скандалист «В столовой Блябликов выилицил тяжелый, с монограммами, портсигар и долго</p>

<p>нен курил, внимательно следя за своим отражением в темной воде. <...> Он бросил недокуренную папиросу в воду и отвернулся»</p>	<p>альном училище или в гимназии. В бывших гимназистих оставалось нечто беспечное, неожиданное, скептическое»; «Пожалуй, в брате больше чувствуется восьмиклассник с выпускным жетоном в петлице, особенно когда он начинает говорить об Ибсене и Верхарне»; «Когда мы возвращались и были уже недалеко от города, я вынул портсигар и, небрежно щелкнув им, закурил. <...> я докурил и бросил портсигар в воду»</p>	<p>постукивал о крышку мундштуком папиросы.</p>
<p>«Он вспомнил круглые милые плечи и глаза, путавшиеся, когда он становился смелее. Некому жаловаться. Да и не на что»</p>	<p>«Как будто я не целовал эти милые поудевшие плечи? <...> светлые и нежные, с выступающими круглыми косточками, которые я знал наизусть <...>; она умела, оставаясь нежной, сдерживать мое нетерпение; <...> ушла, милое, строгое, надолго исчезнувшее видение</p>	<p>Это значило, что он собирається рассказать какую-нибудь сплетню, анекдот, историю»</p>
<p>«Постаревший ксендз сидел на ступеньках костела в широкополой шляпе. — Боже мой, да он еще жив! — сказал Куусинен... А вот здесь мы с тобой воровали яблоки. <...> Памятник Жертвам Революции стоял на том месте, где Черная баба когда-то торговала лю-</p>	<p>«Они вспоминают гимназических друзей: «Где Коля Нейгауз? Где Янка?» Юрий не знает, где Нейгауз <...> А где Август? <...> Два молодых человека- Льву двадцать шесть, Юрию — на пол года меньше — вспоминают свою гимназическую юность в Пскове»</p>	

	<p>бимыми лакомствами гимназистов. Знакомый фельдшер проехал мимо в дрожках, глядя прямо в спину кучера запыльными глазами. — Ты его помнишь? — Нет. Александр назвал фамилию <...> — А ведь ты моложе, чем я, — сказал Куусинен. — Я не дал бы тебе двадцати девяти»</p>	<p>«Я написал Юрию и в конце апреля получил ответ. Он не только <i>пригласил</i> меня, но, зная, как трудно выехать из Москвы, намеревался послать мне вызов из Коминтерна, где служил переводчиком»</p>
<p>VI. Сомнения</p>	<p>» — <i>Перезжай к нам, в Ленинград.</i> — Куусинен задумчиво провожал глазами прохожих. — <i>Перезжай,</i> ведь здесь же трудно заниматься наукой»</p> <p>» — Я только <i>теряю</i> время на эти опыты, не точные до такой степени, что каждый ребенок мог бы указать на мои ошибки. Мне что-то не <i>везет</i>. Скоро, пожалуй, и меня будут называть неудачником. В чем же мне не <i>повезло</i>? Он загнул палец. — <i>Наука.</i> Еще? Он загнул другой. <i>Жена.</i> Я вижу свое дело и знаю, что оно нужно мне одному. Но мне <i>мешают</i>. <...> Он повернул выключатель, и свет совпал с усилием, которое он <i>сделал, чтобы остаться в комнате наперекор дурноте и страху</i>»</p>	<p>Эпилог</p> <p>«Его ждет <i>трудная</i> жизнь, <i>физические</i> и <i>душевные</i> муки. Его ждет комнатная жизнь, книги и книги, упорная <i>борьба</i> с традиционной наукой, <i>жестокости</i>, которых он не выносил, признание, <i>непризнание</i> <...> <i>Непонимание</i>, борьба за свою, никого не повторяющую сложность. <i>Пустоты, в которые он падал</i> <i>ночами</i>»</p>
<p>VII. Гипотеза</p>	<p>«Я <i>ненавидел</i> только <i>трех</i> человек <i>в течение</i> <i>всей</i> <i>моей</i> <i>жизни</i>. <i>И все</i> <i>трое</i> <i>были</i> <i>похожи</i> <i>один</i> <i>на</i> <i>другого</i>, <i>как</i> <i>если</i> <i>бы</i> <i>это</i> <i>был</i> <i>один</i> <i>и</i> <i>тот</i> <i>же</i> <i>человек</i>, <i>который</i> <i>рос</i> <i>и</i> <i>становился</i> <i>старше</i> <i>и</i> <i>преследовал</i> <i>меня</i> <i>за</i> <i>то</i>, <i>что</i> <i>я</i> <i>его</i> <i>ненавижу</i>. <i>Это</i> <i>были</i> <i>люди</i> <i>одной</i> <i>конституции</i>. <i>Коротконогие</i>, <i>с</i> <i>большими</i> <i>челюстями</i>. <i>Право</i>, <i>над</i> <i>этим</i> <i>стоило</i></p>	<p>«... В конце двадцатых годов со мной был близок Леонид Александрович Андреев <...>. Один из любимых учеников И.П. Павлова <...>. Сближаясь, мы рассказали друг другу о себе, и однажды я упомянул о необъяснимой ненависти Хлынова, которая так и осталась для меня загадкой. Леонид Александрович за-</p>

	<p>бы задуматься с биологической точки зрения. <...> Моя ненависть к ним — это не случайное совпадение, не насильственное соединение фактов далеких и несходных. Это конституционная вражда, мне самая конституция эта враждебна»</p>	<p>думался, потом спросил, встречались ли впоследствии в моей жизни люди, похожие на Хлынова, и как они ко мне относились. Я стал перебирать в памяти своих немногих врагов (или недоброжелателей) и с удивлением убедился в том, что (хотя по внешности иные из них были лишь как бы сродни Хлынову) они поразительно напоминали его животной обнаженностью чувств. Но иные напомнили и внешне: как Хлынов, они были лобыми коротконогими, коротконопалыми, с маленькими злыми глазами и, что особенно характерно, — с большой челюстью, как будто обведенной мелом.</p> <p>— Вот видите, — полусухо сказал мне Леонид Александрович. — Это не случайное совпадение. Это вражда конституций.</p> <p>В основе человечества лежит множество видов, когда-то ненавидящих друг друга и передавших эту вражду своим потомкам, разумеется, в рудиментарном виде. Может быть, ненависть между народами, враждующими уже тысячами лет, не что иное, как борьба видов?»</p>
<p>VIII. Теория конституционной вражды</p>	<p>«А не наводит ли это тебя на мысль о том, что конституционная вражда есть следствие оборонительной реакции по отношению к враждебному виду? <...> человечество не едино, в основе его лежит не один, а множество видов, быть может, когда-нибудь ненавидевших друг друга и передававших эту ненависть, разумеется, в рудиментарном виде, своим потомкам? Не есть ли борьба конституций — борьба</p>	<p>«Мне показалось занятной эта гипотеза, и я написал повесть «Черновик человека», которая была первой попыткой рассказать о себе. Повесть построена на этой теории. Правда, я вложил ее в уста подопытного пса»</p>

ба видов и не объясняется ли этим склонность к специфической ненависти между народами, воюющими уже тысячелетия? <...>
Пес Александра ловил блох зубами. — Н-нет, сказал он, немного стеснясь, — это, собственно, моя теория. Шеф ставит себе гораздо более скромные задачи. Он изучает рефлекс ненависти. Говорят, что личная судьба привела его к работе над этим вопросом»

Комментарий к ссылке: Рассказ «Пурпурный палимпсест» 1922 года повествует о событиях, разворачивающихся в средневековой Германии, два персонажа сталкиваются ночью на дороге — один из них — ученый-палеограф Генрих Вурст — имеет странное увлечение — по ночам, в свободное от изучения древних списков время, он переплетает книги. Второй персонаж — переплетчик Кранцер — не спит ночами, потому что «страсть к науке овладела им». В 1933 году в записных книжках Чехова Каверин натывается на запись: «Бездарный ученый, тупица, прослужил 24 года, не сделав ничего хорошего, дав миру десятки таких же бездарных узких ученых, как он сам. Тайно по ночам он переплетает книги — это его истинное призвание; здесь он артист и испытывает наслаждение. К нему ходит переплетчик, любитель учености. Тайно по ночам занимается наукой».

«Я не знаю, — пишет Каверин, как объяснить это странное совпадение. Записные книжки Чехова я прочел в 12-томе его собрания, опубликованного в 1933 году». О. и В. Новиковы объясняют это совпадение тем, что «новеллистические сюжеты типологичны. В них фиксируются вечные проблемы человеческого бытия. В таких невольных переключках больше закономерного, чем случайного. Чехов, как известно, не успел осуществить намеченный замысел. Но это был один из важных вопросов, адресованных классикой грядущей литературе». Этот эпизод интересен тем, что при создании образа одного из героев повести «Черновик человека» — Кости Трахтенбауэра — Каверин придает ему черты псковского гимназиста Кости фон дер Беллена, образ которого в памяти писателя ассоциируется с заметкой Чехова: «В нашем классе учился Костя фон дер Белен, очень маленький важный лопухий. Одна из заметок в записных книжках Чехова: «Крошечный гимназистик по фамилии Трахтенбауэр» — и до сих пор неизменно заставляет меня вспомнить о Косте». Упомянув это сходство, Каверин не уточняет, когда именно он прочитал эту заметку. Однако фамилия Трахтенбауэр и характеристика персонажа как «маленького гимназистика» является прямой цитатой из Чехова. Образ Кости Трахтенбауэра в повести возникает из парадоксального скрещивания биографического и литературного материала, что в очередной раз подтверждает те-

⁹ Каверин В.А. Т.1. С. 103.

¹⁰ Каверин В.А. Т. 7. С. 548.

¹¹ Новикова О. И., Новиков В.И. В. Каверин: Критический очерк. М., 1986. С. 28.

зис о книжности писательского сознания. Случаи сознательного и случайного использования материала из записных книжек Чехова Кавериным представляется интригующе неслучайным и заслуживает отдельного «расследования».